

Сергей Аксентьев

Морской Субмарин
 чин м. п. лауреат
 с уважением и благодарностью
 Сергей Аксентьев
 30.05.2012

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

ЧАСТЬ V. ЗАГАДОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«От Сан-Франциско до Гонконга» — так называются путевые наброски некоего В.Верещагина, опубликованные в февральском и мартовском номерах журнала «Русская мысль» за 1886 год. В них подробно рассказывается о морском путешествии автора в сентябре — декабре 1884 года из Америки в Японию и Китай. Об этих очерках все исследователи творчества Верещагина упорно умалчивают, принимая в качестве аксиомы утверждение: Верещагин бывал в Японии однажды в 1903 году. Однако в последнее время многие устои биографии Василия Верещагина рушатся под напором ранее не обсуждавшихся фактов, и эти наброски, возможно, помогут пролить свет на самый загадочный и мало исследованный период жизни художника...

НЕМНОГО АРИФМЕТИКИ

Вот что сообщает автор: *«Весь август месяц 1884 года мне пришлось провести в Сан-Франциско, столице Калифорнии и всего дальнего Запада. Приехал я туда на третий месяц моего пребывания в Штатах. ...В первых числах сентября я, наконец, решил продолжить заранее намеченный мной путь в Японию и Индию (в Индию автор по неизвестным причинам не поехал — С.А.) и взял билет на один из ближайших пароходов Pacific Mail, единственного общества пароходства между Америкой и Японией. Переезд этот бесспорно самый скучный (без остановок через Тихий океан — С.А.), длинный (более 4800 морских миль) и дорогой (билет первого класса стоил 250 долларов), который когда-либо мне приходилось делать».*

Тут просвещенный читатель наверняка и возразит: «Этого не может быть! Общеизвестно, что художник в 1884 году вместе с женой путешествовал по Палестине, а в Страну восходящего солнца уезжал осенью 1903 года на японском пароходе «Айкокумару» из Владивостока».

Все это так и... не совсем так. Попробуем разобраться. При внимательном изучении скудных сведений о путешествии Верещагина и его супруги Елизаветы Фишер в Палестину, настораживает расплывчатость указываемых сроков этого вояжа. Одни называют конец 1883 — начало 1884, другие вообще обходятся

общей фразой — начало 1884 года. Документов о пребывании Верещагиных в Палестине нет, а переписка этого периода отсутствует, поскольку в конце 1883 года Василий Васильевич по разным причинам почти одновременно разрывает отношения со всеми друзьями и почитателями своего таланта.

Например, 3 ноября 1883 года он сообщает В.В. Стасову, что живет в гостинице «Grand Hotel» (Петербург) и завтра, т.е. 4 ноября, с директором департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел бароном Ф.Р. Остен-Сакеном едет «к иерусалимскому нашему консулу потолковать о поездке» (в Палестину). А двумя днями позже посылает с посыльным Владимиру Васильевичу резкое письмо, после которого наступает почти девятилетний разрыв в их отношениях. Еще через неделю (14 ноября 1883 года) шлет из Петербурга в Москву телеграмму Павлу Михайловичу Третьякову *«Мы с Вами более не знакомы. Верещагин».* Уклоняется от встречи с И.Н. Крамским, писавшим его портрет: *«Нездоров, в лихорадке, в постели. Значит, никак не могу прийти. Постараюсь быть еще раз перед отъездом. До свидания. В.Верещагин».* Встреча не состоялась. Прерывает связь с секретарем Совета Московского художественного общества Львом Михайловичем Жемчужниковым и известным критиком и историком искусства Николаем Павловичем Собко. Обрубив все «концы», Верещагин надолго исчезает из поля зрения знакомых и российской прессы.

В Палестине Верещагины, скорее всего, находились с декабря 1883 по апрель — начало мая 1884 года. Затем, по-видимому, художник отправляет супругу с написанными этюдами в Maisons Laffitte, наказав не распространяться о своем дальнейшем маршруте. Сам же садится на пароход — и объявляется в Нью-Йорке в конце мая — в начале июня 1884 года.

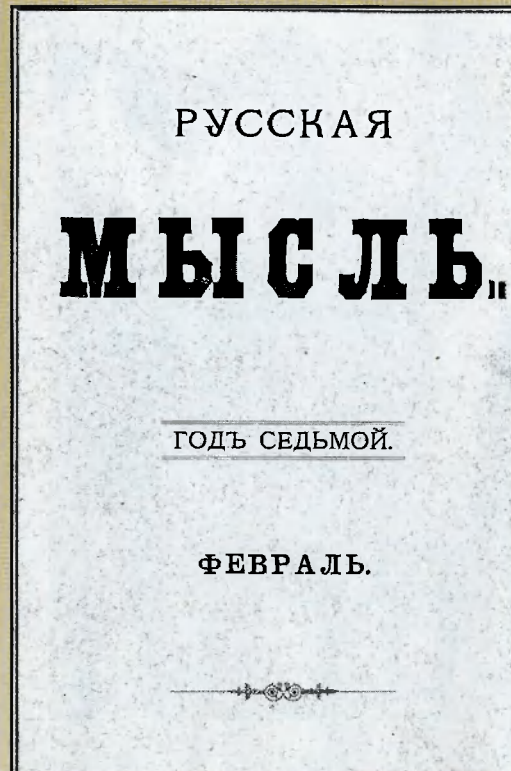
Привычку Верещагина конспирировать свои перемещения подметил еще И.С. Тургенев — один из ближайших друзей художника во время проживания в Париже. На жалобу поэта Якова Полонского о неувимости Верещагина, Иван Сергеевич в ответном письме успокаивает приятеля: «Он очень тщательно прячется».

Из Сан-Франциско, как мы теперь знаем, путешественник убыл в первых числах сентября, т.е. пробыл в Америке все лето, и «на двадцатый день утомительного плавания рано утром, мы в подзорные трубы разглядели неясные очертания гористого берега Японии». В Японии автор находился с конца сентября по ноябрь. Познакомившись с экзотической страной, испытал «все неудобства обязательного снимания сапог при входе в японские дома и храмы и ночлегов в холодных чшайя — чайных домах, где кроме двух футонов, т.е. перин, одна чтобы спать, другая чтобы укрываться, и нескольких, почти бесполезных хибачи (ящики с тлеющим улем — С.А.), ничем согреться нельзя», путешественник на французском пароходе Messageries Maritimes отправился в Гонконг с суточной стоянкой в Келюнге. Все плавание заняло примерно неделю. В Гонконге планы путешественника изменились. «Позднее время года, — сообщает он, — не позволило мне поехать в Пекин, единственный интересовавший меня китайский город, и я выждал только следующего французского парохода (около двух недель — С.А.), чтобы отправиться на родину». Путь в Европу с краткими остановками лежал через Сайгон, Сингапур, Коломбо, Аден, Порт-Саид, Неаполь, Марсель и занял примерно полтора месяца. В Петербурге Верещагин, если это был действительно он, мог появиться в первой половине февраля 1885 года.

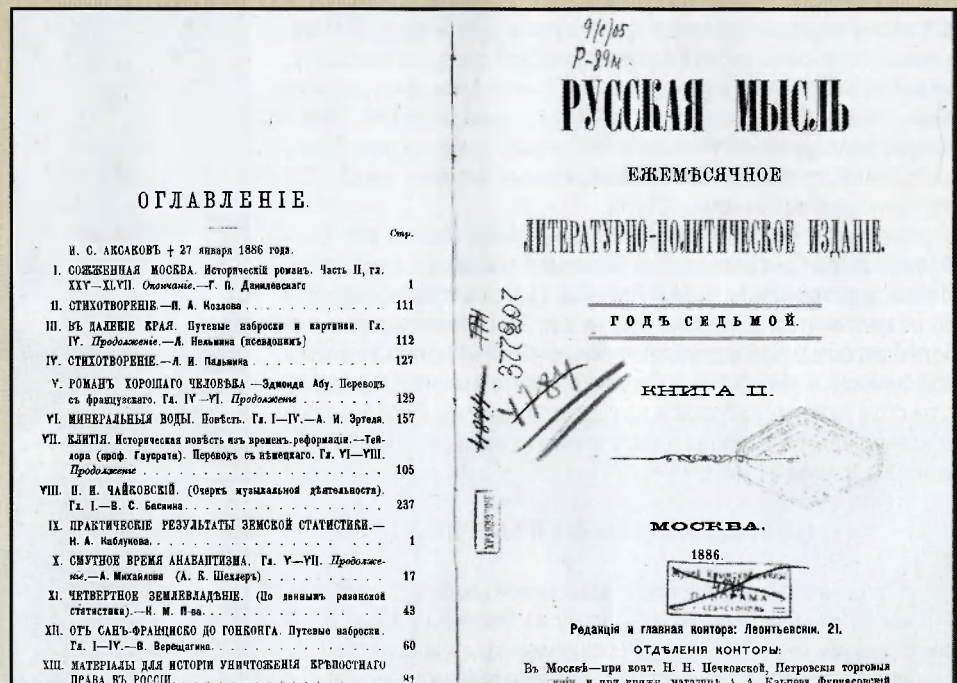
Основанием для сомнений, что некий В.Верещагин, поставивший подпись под путевыми набросками в «Русской мысли», и есть наш знаменитый художник, могут служить два обстоятельства. Первое — письмо Верещагина Е.К. Фишер в Maisons Laffitte из Петербурга, датированное 28 декабря 1884/9 января 1885. Второе — общепринятое мнение, что в зиму 1885 года Верещагин периодически посещал русскую столицу, делая наброски полотна «Казнь заговорщиков в России» к «Трилогии казней». Но этим сомнениям есть и объяснения. Во-первых, Верещагин почти никогда в письмах не проставлял дат и места своего нахождения, что постоянно

сбивало с толку адресатов. В этом его не раз укоряли и В.В. Стасов, и П.М. Третьяков, и другие корреспонденты. Вполне вероятно, что в упомянутом письме Е.К. Фишер даты могли быть смещены.

Во-вторых, утверждение о периодических наездах Верещагина в Петербург зимой 1885 года для написания этюдов к будущей картине в принципе не входят ни в какие противоречия. Конкретных дат посещения Северной Пальмиры в этот период, за исключением упомянутого письма Елизавете Фишер, пока нет, а февраль — самый разгар Петербургской зимы. Обращает на себя внимание и такой факт: после петербургского письма Фишер Верещагин опять надолго замолкает и заявляет о себе лишь в начале ноября 1885 года коротким письмом к В.В. Стасову: «Вы без основательной причины сделали мне дерзость: если Вы в Вашей дерзости не извинитесь так-таки просто-напросто, то наши отношения последнего времени, конечно продолжатся до моей или Вашей смерти» из Вены, где готовил к показу серию только что законченных палестинских

Обложка журнала «Русская мысль» февраль 1886

Содержание и титул «Русская мысль» февраль 1886

картин. Скорее всего, примерно с марта по конец октября 1885 года Верещагин постоянно находился в Maisons Laffitte, никого не принимал и не подавал о себе вестей, упорно работая над тремя основными картинами евангельской серии: «Святое семейство», «Пророчество» и «Воскресение Христа».

Наконец, еще один существенный момент. Мне могут возразить: автор путевых набросков однофамилец прославленного русского художника. Формально — да. Однако изучение генеалогии российских дворянских родов показывает, что фамилия Верещагины, несмотря на простоту ее звучания, довольно редкая. Из тех же, что удалось найти, людей, подходящих по возрасту к описываемым событиям, не находится. Правда, был еще один известный

«Святое семейство», 1884-1885

живописец Василий Петрович Верещагин (1835 г.р.), профессор императорской Академии художеств. Но он не мог быть автором путевых набросков, поскольку в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века занимался росписью храма Христа Спасителя в Москве, а также Успенского собора Киево-Печерской лавры, и вообще по жизни ни к США, ни к странам юго-восточной Азии отношения не имел. Не мог быть автором путевых набросков и Василий Николаевич Верещагин — племянник художника, сын старшего брата, известного сыровара Николая Васильевича Верещагина. В 1884 году ему едва исполнилось 21 год.

Итак, есть основания полагать, что автор очерка «От Сан-Франциско до Гонконга» все же Василий Васильевич Верещагин. И первое знакомство с США и Японией у него состоялось задолго до общепринятых в историографии дат. Такое утверждение тем более вероятно, что в опубликованных (1904) «Листках из записной книжки» в «Новостях и биржевой газете» многое совпадает с текстом путевых набросков из «Русской мысли». Особенно при описании нравов, одежды и быта японских женщин, а также знаменитых храмов в Никко.

ЧТО УВИДЕЛ ХУДОЖНИК В АМЕРИКЕ

Окончательное решение показать свои картины за океаном, судя по письму к В.В. Стасову из Мезон сур Сена от 24 декабря/5 января 1882 года, у Верещагина сформировалось после «нескольких доброжелательных отзывов американских газет о моем творчестве». Но прежде чем рискнуть отправить картины за океан — следовало самому узнать Америку, лично познакомиться с ее обитателями и наладить деловые контакты. Тем более, что имелся и человек, готовый помочь — давняя знакомая Варвара Николаевна Мак-Гахан.

Варвара Николаевна, урожденная Елагина, в двадцать три года вышла замуж за аккредитованного в Петербурге американского журналиста Януария Мак-Гахана. Вскоре после свадьбы Януарий по заданию «New York Herald» в качестве военного корреспондента отправляется в хивинскую экспедицию генерала М.Д. Скобелева. Между военачальником и корреспондентом завязалась искренняя и крепкая дружба. После смерти мужа, скончавшегося в Константинополе от тифа 1878 году, Варвара Николаевна сначала жила в Петербурге. Работала иностран-

ным корреспондентом «New York Herald» и австралийской газеты «Sydney Herald», а в 1880 году уехала в Америку, став постоянным корреспондентом «Русских ведомостей». С ее покойным мужем Януарием Мак-Гаханом Верещагина связывали давний друг Михаил Дмитриевич Скобелев и Русско-турецкая война 1877-1878 годов. Ровесники вместе форсировали с отрядами Гурко и Скобелева Дунай, штурмовали знаменитые Шипку и Плевну.

В 1884 году власти штата Огайо, уроженцем которого был Мак-Гахан, перевезли его прах в США и с почестями перезахоронили на родине. Нельзя исключать, что одним из побудительных мотивов, заставивших Верещагина отправиться в Америку, было желание проводить в последний путь давнего друга и повидаться с вдовой покойного. Возможно, как раз Варвара Николаевна, всегда тепло относившаяся к Василию Верещагину, сыграла ключевую роль в популяризации его художественных произведений в Америке, получивших к тому времени всеобщее европейское при-

«Воскресение Христово», 1884-1885

знание. Она же организовала летнюю поездку по стране в 1884 году, а позднее приглашение Чикагского института искусств провести грандиозную выставку (завершившуюся аукционом) с ноября 1888 по ноябрь 1891 в крупнейших городах США.

Что делал Верещагин в США летом 1884 года — мы не знаем, как и не знаем, что привело его в Сан-Франциско. На этот счет автор набросков весьма скуп: «Приехал я туда (в Сан-Франциско — С.А.) будучи уже знаком с жизнью больших американских центров и зная, что и здесь я найду лишь повторение того, что уже видел. Поэтому я и не рассчитывал остановиться там надолго, но два обстоятельства изменили мои планы. Во-первых, мое пребывание в городе совпало с последними месяцами перед выборами нового президента (в сентябре 1884 года заканчивался четырехлетний срок правления двадцать первого президента США Честера Алана Артура — С.А.), в таком большом центре это время представляет интерес, выходящий из ряда обыкновенного. Вторым обстоятельством, задержавшим меня в Сан-Франциско, была случайная встреча с несколькими соотечественниками...».

Эта встреча раскрыла многие стороны жизни бывших сограждан. Прежде всего, отмечает автор, бросается в глаза быстрая адаптация их к американским реалиям: «По прошествии нескольких лет после переселения, они до того входят плотью и кровью в американский строй жизни, проникаются общими целями и идеями, общенациональной гордостью, что окончательно забывают родину, нередко даже обижаясь при обращении к ним с речью на их родном языке». Новые знакомые оказались всецело поглощенными предвыборными мероприятиями, и Верещагин подробно познакомился с американской политической «кухней», основными проблемами и чаяниями американцев среднего уровня достатка, удивительной способностью их к самоутверждению и достижению поставленных целей. Правда, в очерках нет упоминаний о сделанных зарисовках или этюдах. Вполне возможно, что в тот раз это не входило в его планы, а если таковые все же и были, то живописец не счел нужным о них что-либо сообщать.

НА ЯПОНСКИХ ОСТРОВАХ

Первое упоминание о намерении Верещагина посетить Японию, Китай и Индию относится к марту 1874 г. В письме художнику И.Н. Крамскому он писал: «...хочу объехать Амур, Японию, Китай, Тибет и Индию и отправляюсь на этой неделе». Об этом же сообщает и 10 марта 1874 года В.В. Стасову: «На будущей неделе я уеду наверно... в Соловецкий монастырь, затем по Сибири в Приморский край, Японию, Китай, Тибет, Индию. Сделайте божескую милость, присоветуйте какие книги я могу приобрести в дорогу и какие должен прочитать у Вас в библиотеке — из описывающих этот путь с его природою и людьми». Однако в последний момент план путешествия почему-то изме-

«Бродяга из Вашингтона», 1888-1891

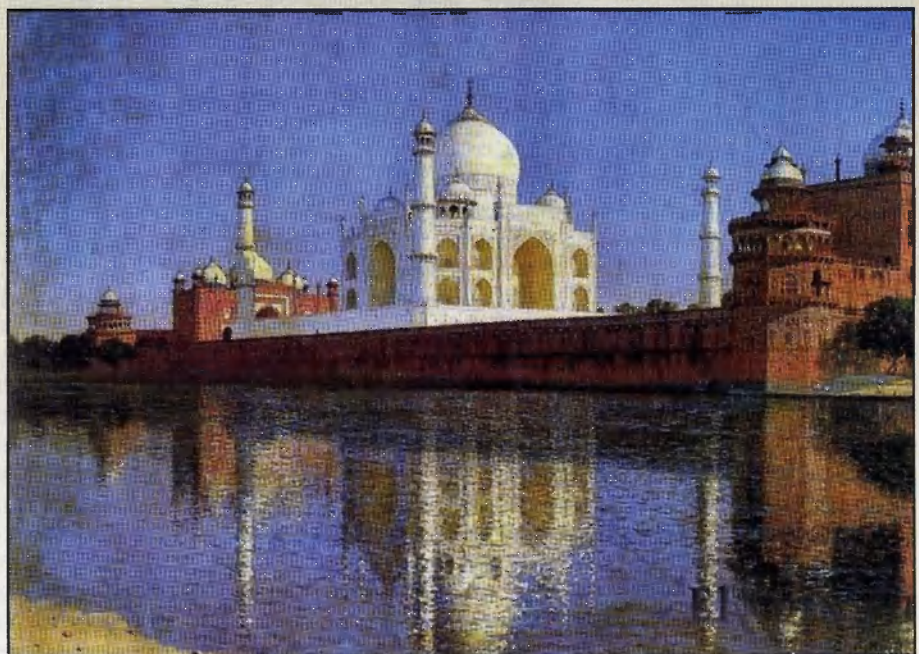
нился. В апреле 1874 года Верещагин оказался в... Индии, куда с юной супругой добрался морским путем из Одессы через Суэцкий канал. Результатом этого увлекательного путешествия стала книга «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных» (Ч. I. Сикким. СПб. 1883 и Ч.2 Кашмир. Ладак. СПб. 1884.)

Второй раз вопрос о посещении Японии возник в 1880 г. Поездка по неизвестным причинам опять не состоялась. Но интерес к этой экзотической стране не пропал, и Верещагин, с характерной для него дотошностью, изучил историю и культуру Страны восходящего солнца. На это сразу же обращаешь внимание, читая путевые наброски в «Русской мысли». Особенно выразительны описания древнего ритуала совершения харакири, системы воспитания гейш, японских кимоно, храмов, жилищ и быта японцев. Без основательных «домашних» заготовок, при столь кратком пребывании в Японии, создать такие емкие литературные зарисовки с натуры невозможно.

Но не только красоты и местный колорит, по-видимому, занимали внимание путешественника. Страны тихоокеанского региона, особенно быстро развивавшаяся Япония, все больше тревожили умы глав европейских государств (в том числе и Россию), и каждая поездка наших соотечественников туда имела большую военно-политическую

ценность.

В конце 60-х годов XIX века в Японии произошла реставрация монархии, давшая мощный толчок развитию капитализма и усилению экономической роли буржуазии, рвавшейся к власти и требовавшей принятия конституции и создания парламента. В середине 80-х годов в стране развернулось движение «За свободу и народные права», а в России усилилась негативная оценка проис-

«Мавзолей Тадж-Махал близ Агры», 1874

«В Гималаях. Гора Джонгри зимой», 1874-1876

«Подавление индийского восстания англичанами», 1884-1885

ходивших в Японии перемен. Наиболее ярко этот скепсис выражен в статье «Наши отношения к Китаю и Японии», опубликованной в «Новом времени» в 1879 году. «Бог весть, — пишет газета, — насколько верны слухи об этом прогрессе... все-таки толчок в известном направлении существует. Этот вопрос, прививаемый французскими парикмахерами и прусскими инструкторами из унтер-офицеров, как ни слаб, однако отделяет от нас Японию и сближает ее с нашими противниками на Западе». Эту же мысль развивает и секретарь «Общества для содействия русской промышленности и торговли» К.А. Скальковский, побывавший в Японии в начале 80-х годов. По его мнению, Япония стоит на грани серьезного политического и экономического кризиса, корень которого в недалекости японских политических лидеров, пошедших по пути буквального заимствования европейских норм жизни. «До сих пор все реформы, — писал Скальковский, — кроме заведения десятка судов, обучения нескольких батальонов на французский лад и устройства казенных фабрик, дающих громадные убытки, привели лишь к искусственному созданиюю

бюрократии в стране, которая не знала, что такое чиновники, и даже о полиции имела смутное представление».

Все эти процессы воочию наблюдал и Верещагин, но, в отличие от Скальковского, он делает не столь пессимистичные выводы.

«Из страны упорно державшейся своей особой цивилизации, — отмечает автор очерков, — она (Япония) открылась благотворному влиянию европейской культуры и с той поры гигантскими шагами пошла вперед по пути прогресса. ...Старая система законов была уничтожена и заменена новой, основанной главным образом на Code Napoléon (Кодекс Наполеона, 1804). Образована была новая армия, обучаемая французскими офицерами и одетая по прусскому образцу... Численность ее сейчас равняется в мирное время 35 000 человек, основан военный флот, состоящий приблизительно из 30 кораблей, по образцу английского флота. Улучшены пути сообщения проложением трех линий железных дорог, устройством правильного пароходства как в водах внутренних, так и внешних, телеграфов и почт. Торговля приняла тройные размеры, значительно подвинулось также и дело народного образования».

Правда, как бы спохватившись за излишнюю откровенность, автор спешит заверить читателя: «...не имея претензий сказать что-нибудь, что не было бы сказано до меня, я задаю лишь целью дать возможность, не обращаясь к специальным работам, получить общее понятие об истории, религии, современном образе жизни и положении страны». И, надо отдать должное, делает это мастерски — занимательно, познавательно и красочно...

ЭКСКУРСИЯ НА ВОЙНУ

В последней трети XIX века европейские державы усилили свое проникновение в Китай. В открытых для иностранцев портах активно действовали свыше 70 протестантских и католических миссионерских организаций. При возведении церковью служители культа бесцеремонно захватывали общественные здания и земли, храмовые постройки, занимались спекуляцией. Это вызвало недовольство и массовые выступления китайского народа. В начале 1884 года вспыхнула франко-китайская война за господство над Вьетнамом, находившимся в вассальной зависимости от Цинской династии. В марте 1884 года французские войска нанесли китайцам поражение под Бакнином, одном из основных торговых центров Вьетнама, расположенном в дельте Красной реки, в 30 километрах от Ханоя. Одновременно Франция направила к берегам Китая две военноморские эскадры. Правительство Китая пошло на уступки, заключив 11 мая 1884 года с французским военным командованием конвенцию о прекращении боевых действий. Но перемирие оказалось недолгим. Уже 23 июня 1884 года близ деревни Бакле на севере Вьетнама вспыхнул новый вооруженный конфликт. Это послужило поводом для французов начать широкомасштабные

боевые действия. Французский корабль «Триумфант» из эскадры адмирала Курбе 23 августа на рейде Фучжоу (в устье реки Миньцзян) уничтожил китайскую эскадру из одиннадцати судов и двенадцати джонок. Первого октября французы высадили десант (2259 человек) на острове Тайвань, атаковали порт Цзилун и 23 октября установили блокаду всего острова.

Примечательно, что, оказавшись в нужное время и в нужном месте, автор путевых заметок узнал много любопытного об этих событиях. Вот как он описывает свои похождения: *«На четвертый день нашего выезда из Гонконга мы увидели гористые берега Формозы (Тайвань) и через несколько часов бросили якорь около броненосного фрегата «Баяр», на котором находился покойный уже ныне командир всей эскадры адмирал Курбе. Через полчаса к нам на завтрак собрались несколько офицеров фрегата и командиры французских позиций в Келюнге (Keelung). Все они горько жаловались на страшные лишения от дурного климата, болезней (в основном венерических — С.А.) и дурной пищи». Поведали французы и факты, о которых печать помалкивала. Оказалось, что французская армия не многочисленна, а китайцы, против ожидания, хорошо вооружены и подготовлены. Из-за этого «не имея возможности продвинуться внутрь страны, они (французы — С.А.) вынуждены были отказаться от захвата богатейших каменноугольных копий, лежащих не далеко от Келюнга, захват которого был одной из главных целей военной операции на севере страны». Восхищаясь прекрасной кухней и отличным вином радушных хозяев, гости сетовали: «Все просьбы о подкреплении оставались без последствий, поэтому случалось нередко с несколькими сотнями солдат отбиваться от двух-трех тысяч китайцев, которые, против ожидания, оказывались хорошо вооруженными и стойкими в деле». Не без изумления узнал Верещагин, что китайцы, как и сарматы в Туркестанскую эпопею (1868), участником которой ему довелось побывать, за голову убитого француза получают приличное вознаграждение. «Китайцы, — рассказывали офицеры, — для получения премии в 50 таэлов (350 франков) за голову неприятеля ночью откапывали трупы французов на кладбищах и, надругавшись над телом, отрубали головы и представляли их, кому следует...».*

Путешественнику удалось даже посмотреть на французскую атаку. *«В день нашего приезда, — сообщает он, — была назначена атака одной из ближайших китайских позиций. Капитан нашего парохода собирался сойти на берег, чтобы издалека посмотреть на атаку. Два пассажира, американцы и я просили позволения ему сопутствовать; капитан обратился к командиру, который, по неизвестной нам причине, моим спутникам в таком позволении отказал, мне же оно было дано, и я вместе с капитаном, офицерами фрегата и двумя десятками вооруженных матросов сошел на берег».*

«На мосту», 1881 (Япония)

«В парке», 1881 (Япония)

Но саму атаку, по словам Верещагина, им увидеть не удалось: *«Она была закрыта от нас пригорком и мы слышали только сильную и близкую оружейную пальбу».* Когда же стрельба утихла, то мимо них провезли десятка полтора китайцев, взятых в плен. Их потом использовали на работах по укреплению французских позиций, а тех, кто отказался выполнить приказ, расстреляли. Из Келюнга путешественник отправился в Гонконг. Познакомился с его ближайшими окрестностями, а затем «на громадном французском пароходе «Г' Ападуг» отбыл на родину.

На этом путевые наброски заканчиваются, оставляя для грядущих поколений еще одну из многочисленных загадок удивительной судьбы выдающегося российского живописца...

(окончание следует)

